

дэвид дуглас

КОМЕЧ КЕСТ ОМЕЧ

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

викинг
на английском
престоле

Дэвид Дуглас

Вильгельм Завоеватель.

Викинг на английском престоле

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612605

Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле / Пер. с англ.

Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2005

ISBN 5-9524-1736-1

Аннотация

Книга Дэвида Дугласа затрагивает один из самых неоднозначных моментов средневековой истории Западной Европы – нормандское завоевание Англии. В ней подробно рассказано о том, как могущественный герцог Нормандии Вильгельм со своим войском переплыл Ла-Манш и высадился на юге Англии, захватил Лондон и постепенно подчинил себе всю Англию. Герцог Нормандский стал полноправным королем и вошел в историю под именем Вильгельм Завоеватель. Автор дает глубокий анализ политической ситуации того времени, заново обращаясь к источникам, чтобы понять плоды деяний потомка суровых викингов.

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дэвид Дуглас Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле

Посвящается Эвелин Дуглас

Предисловие

В данной книге рассматриваются вопросы, связанные с биографией Вильгельма Завоевателя и тем влиянием, которое Нормандское завоевание оказало на историю и культуру Англии. Ее цель – показать, как в течение жизни одного человека и во многом благодаря его деяниям было покорено целое королевство, а также попробовать разобраться в характере и последствиях этого события. Ведь Нормандское завоевание заслуживает внимания не только само по себе. Огромный интерес представляет то воздействие, которое оно оказало на последующее развитие не только Англии, но и всего западнохристианского мира. При этом данная тема неразрывно связана с одной из самых необычных биографий реального исторического деятеля.

Нет другого короля средневековой Англии, который был бы столь же известен, как Вильгельм Завоеватель, и нет другого аспекта английской истории, который бы вызывал больше дискуссий, чем Нормандское завоевание.

Отношение к Вильгельму Завоевателю и нормандцам – один из курьезов английской литературы. Поистине удивительно, но вот уже на протяжении нескольких веков государственные деятели и юристы, памфлетисты и деятели церкви вступают в словесные баталии по поводу событий столь отдаленного времени, придавая им вполне современное политическое звучание. Дискуссия по поводу Нормандского завоевания проходит красной нитью едва ли не через всю английскую прозу.

Посмертное участие Вильгельма Завоевателя в литературной полемике, если можно так выразиться, стало не менее значимым, чем его реальная историческая деятельность в XI веке. По сути, для нескольких живших после него поколений он оставался современной политической фигурой.

Ситуация во Франции если и отличается, то несущественно. Вильгельма Нормандского считают там национальным героем. Тем не менее, это не помешало тому, что он же был обвинен во всех смертных грехах и объявлен врагом народа: кальвинисты и революционеры отважились на настоящее варварство – останки герцога были выброшены из оскверненной могилы.

Очевидно, что на вторую половину XI века приходится

поворотный момент в истории западнохристианского мира, а Нормандия и нормандцы, вне всяких сомнений, играли в происходящих переменах одну из ключевых ролей. Их завоевание огромного по тем временам королевства привело к перегруппировке политических сил Северо-Западной Европы, что имело далеко идущие последствия как для Англии, так и для Франции. Они способствовали выдвижению папства на главную роль в европейской политике и самым непосредственным образом поддержали движение за проведение церковных реформ. Они же внесли весомый вклад в кардинальное изменение взаимоотношений между Западной и Восточной Европой, последствия которого ощущаются до сих пор. Нормандское завоевание Англии можно рассценивать как часть более широкого явления, затронувшего практически все сферы европейской жизни, в том числе и культуру. Общеизвестно, что многие новые культурные идеи и веяния, в частности такие, как создание крупных монашеских орденов и Крестовые походы, песни трубадуров, новые университеты и многое другое, зародились в той части континентальной Европы, центром которой является Франция. Завоевав Англию, нормандцы «привязали» ее к «латинской» Европе, в результате чего ареал распространения культуры романских народов значительно расширился, и в период Ренессанса ее влияние стало доминирующим. И именно благодаря нормандцам в него вошли не только Англия, но и Италия, трансформации которой они во многом способствова-

ли.

Перераспределение силы и влияния было ключевым фактором в процессе европейского политического строительства того времени, и вклад в него нормандцев очень значителен. Однако их выдвижение на первые роли вовсе не было predetermined. Всего за сорок лет до завоевания Англии никаких сколько-нибудь серьезных признаков грядущего возвышения Нормандии не отмечалось. Вряд ли кто-то мог предсказать при появлении на свет новорожденного Вильгельма, что ему суждено покорить королевство и получить прозвище Завоеватель. К моменту завершения его удивительной жизни это стало свершившимся фактом.

В связи с этим возникает ряд вопросов, ответы на которые необходимо найти. Каким образом нормандцам удалось достичь такого могущества, которое они проявили при Вильгельме Завоевателе? Как специфические особенности Нормандии способствовали этому? Наконец, какие аспекты политики герцогства Нормандия привели в конечном итоге к полученному результату? На первый взгляд может показаться, что эти вопросы не совсем относятся к нашей теме. Однако именно попытка ответить на них приводит к важному для нас заключению. Получается, что все бесконечные дебаты о последствиях Нормандского завоевания, по сути, сводятся к спорам по поводу оценки социальных и политических характеристик герцогства, вступившего в 1066 году в открытую конфронтацию с Англией. Изучение событий, описанных в

дальнейших главах, подтверждает это со всей определенностью. Расцвет Нормандии конечно же неотделим от деятельности величайшего из ее герцогов. Но очевидно, что воздействием одной, пусть самой исключительной, личности данный процесс объяснить нельзя. Провести более четкую грань между личными и общественными причинами Нормандского покорения Англии и выявить их взаимосвязь – одна из главных задач современной науки в целом и данной книги в частности.

Вильгельм был выдающимся представителем блестящей династии и правил неординарной провинцией Галлия. Много из того, чего он достиг, в значительной степени связано с тем наследием, которое ему досталось. Его вступление на престол произошло не совсем обычным образом. Вильгельму пришлось вести за наследство серьезную борьбу, воспитавшую в нем мужество и закалившую характер. От исхода этой борьбы, в которую была вовлечена практически вся северная часть Франции, зависело положение нормандских герцогов. И только ее успешное завершение позволило Вильгельму консолидировать Нормандию и опереться на ее потенциал в своих последующих свершениях. Деятельность герцога во многом определялась социальными и политическими тенденциями, возникшими задолго до его коронации. Своими военными успехами в XI веке Нормандия обязана усилению роли светской аристократии, а расширение ее культурного влияния при Вильгельме Завоевателе непосред-

ственно связано с движением за преобразование церкви, которое развернулось в то время в провинции Руан. Заслуга Вильгельма заключалась в том, что он не просто поощрял и старался объединить эти две силы, но и сумел возглавить их. Именно этим объясняются его успехи в управлении Нормандией и необычайное усиление международной роли герцогства.

Вознесение Вильгельма на вершины власти совпало с критическим моментом политического развития Западной Европы, и он сумел направить ход событий в русло, выгодное его герцогству и ему лично. Скандинавская экспансия X–XI веков уже связала судьбы Нормандии и Англии. Это общеизвестно. Однако то, почему в дальнейшем Англия стала частью латинского, а не скандинавского мира, является одним из фундаментальных вопросов. Представляется, что это связано с противоречиями личного и политического характера, негативное воздействие которых на англо-нормандские отношения усиливалось до кульминационного 1066 года, и в решение которых Вильгельм, несомненно, внес большой личный вклад. Завоевание Англии было подготовлено предыдущими историческими событиями и стало возможным благодаря им. Но сама военная операция и создание англо-нормандского королевства непосредственно связаны с именем Вильгельма Завоевателя. Еще в большей степени это относится к выживанию нового государства, способность которого к обороне почти целиком зависела от энергии и

способностей правителя. Уместно предположить, что именно забота о сохранении королевства была причиной военных операций, проводимых по обе стороны Ла-Манша, и предпосылкой к конструктивной политической деятельности Вильгельма. Ведь именно в ходе создания и обороны нового государства проявились его незаурядные способности.

В 1066 году Вильгельм стал королем. В XI веке это предполагало получение особого статуса в системе светской и церковной иерархии, и новый король не замедлил воспользоваться открывшимися возможностями. Он сформировал новую английскую аристократию, большинство представителей которой были для Англии иностранцами. Опираясь на нее, он модифицировал структуру английского общества, привнес в нее новые принципы социальной организации. Примечательно, что и в Англии, и в Нормандии он проявил себя как последовательный сторонник сохранения традиций. В Англии даже в большей степени – уважение обычаев завоеванного королевства и соблюдение его традиций сразу же стало главным принципом для его администрации. С другой стороны, нормандцы привнесли в Англию идеи религиозного возрождения. Английская церковь получила новую модель управления, что позволило ей играть более активную роль в движении религиозного реформирования, которое со временем стало влиять на всю европейскую политику. Религиозная политика Вильгельма, как носителя священного королевского титула, оставалась совершенно само-

стоятельной, а его роль в европейских церковных делах была не менее значительной, чем в светских.

Самый трудный этап в обороне королевства пришелся на последние двадцать месяцев его правления, и именно его деятельность в этот период чаще всего упоминается как пример благородного и талантливого руководства. Вильгельм не прекращал борьбу до самой своей трагической кончины. Это была жизнь, которую, вне всяких сомнений, можно назвать героической. Неудивительно, что очень скоро люди стали говорить о нем словами, позаимствованными у автора легендарной «Песни о Роланде».

Этот эпический налет, а также противоречивые аргументы, звучавшие в диспутах более позднего времени, мешают беспристрастно взглянуть на его деяния. Есть все основания полагать, что единственно верный способ преодоления этого затруднения состоит в том, чтобы вернуться к изучению непосредственных свидетельств его современников. Именно такая попытка и предпринимается в данной книге. Как ни странно, таких источников, несмотря на то что речь идет о весьма отдаленном периоде, довольно много. Достаточно вспомнить, что сам великий король оставил великолепную запись о королевстве, которое он завоевал, в «Книге Судного Дня», а на гобелене из Байе, сотканном вскоре после английского похода, имеются уникальные миниатюры, рассказывающие об основных событиях его жизни. Весь интересующий нас период довольно полно описан в «Англосаксонских хро-

никах» и последующих комментариях к ним. Более поздние летописцы, такие, как Вильгельм Малмсберийский, Симеон Даремский, Идмер и так называемый Флоренс Вустерский, также постоянно возвращаются к ним в своих трудах. Дополнительную информацию, свидетельствующую о том, как тесно переплетались судьбы деятелей той эпохи, можно почерпнуть в жизнеописаниях Эдуарда Исповедника и архиепископа Ланфранка, а также из писем последнего. Существует и множество юридических документов. Известно около трехсот государственных и огромное количество частных актов, датированных 1066–1087 годами, то есть составленных в период правления Вильгельма Завоевателя. Причем все они были скопированы либо с оригиналов, либо с реестровых книг. Это только то, что можно найти в Англии. Но не менее ценные свидетельства имеются и по другую сторону Ла-Манша, в нормандских и англо-нормандских документах. Хотя нормандские источники не столь информативны по сравнению с англосаксонскими, они могут дать внимательному исследователю очень много. Например, «Акта» архиепископа Руанского интересна не только сама по себе, но и включает описание множества других работ по нашей теме. У Вильгельма Жюмьежского, чьи наблюдения распространяются до 1070–1071 годов, мы находим добросовестные описания современных ему событий, а трактат Вильгельма Пуатьеского добавляет к ним множество ярких деталей. Настоящая удача, что близкие по духу, но совершенно самостоя-

тельные труды двух этих авторов позже привлекли внимание такого гениального человека, как Ордерикус Виталис. Ордерикус подготовил очень важный комментарий, вошедший в седьмой том хроник Вильгельма Жюмьежского. Позже он включил часть труда Вильгельма Пуатьеского в свой труд «*Historia Ecclesiastica*», и в результате он превратился в один из важнейших источников по англо-нормандской истории. Нет недостатка и в официальных материалах герцогства. Записи церковных советов Нормандии столь же бесчисленны, сколь информативны. Не менее многочисленны различные документы личного характера, а если покопаться в еще не до конца разобранных архивах Ора и Сен-Мартина, их будет еще больше. Более того, имеется немало указов, подготовленных самим Вильгельмом на территории Нормандии уже после завоевания Англии. Не меньшую ценность представляют и документы, относящиеся к его деятельности до 1066 года. В Англии распространено мнение, что они практически не сохранились. Но это вовсе не так. Известно не менее ста тридцати актов и указов, непосредственно подписанных герцогом Нормандии Вильгельмом или подготовленных с его участием в период между 1035-м и 1066 годами. Это, кстати, вполне сопоставимо с количеством аналогичных документов, относящихся ко всему периоду царствования Эдуарда Исповедника. Так что, если мы знаем об Англии до ее завоевания нормандцами больше, чем о Нормандии того же периода, то не из-за недостатка материалов, а скорее из-

за невнимательного отношения представителей английской школы к некоторым из них.

Как бы то ни было, биографу Вильгельма Завоевателя не приходится пенять на недостаток исторических свидетельств. Трудность кроется в их оценке. Самая простая часть работы заключается в выявлении взаимосвязи различных письменных источников. Объективно интерпретировать факты, содержащиеся, например, в «Книге Судного Дня», уже тяжелее. И уж почти совсем невыполнимая задача – дать критический анализ личности XI века, приняв во внимание образ жизни, обстоятельства и реалии того времени. Как раз здесь мы и столкнемся с неравнозначностью и противоречиями источников. В жизнеописаниях Вильгельма Завоевателя очень быстро правда и вымысел сплелись столь тесно, что сегодня не так-то легко их отделить друг от друга. И здесь вполне уместно вспомнить Мабиллона, полагавшего, что историк обязан не только отделять явную правду от явной лжи, но и с большой осторожностью относиться к тому, что не является достоверным наверняка. Поэтому автор данной работы исходил из необходимости проведения критического анализа отдельных фактов и деталей. Это особенно важно, поскольку ни одно исследование не может не опираться на труды предшественников и не испытывать определенного влияния со стороны самых фундаментальных из них. Однако объективный анализ вполне осуществим. Ведь мы имеем дело с достаточно редким случаем, когда отдаленный истори-

ческий период можно изучать, наблюдая за последовательно развивавшимися событиями и обстоятельствами жизни одного конкретного человека.

Часть первая

Молодой герцог

Глава 1

Происхождение и право наследования

Вильгельм Завоеватель – герцог Нормандии Вильгельм II, король Англии Вильгельм I – появился на свет в городе Фалез в 1027-м или 1028 году (по другим данным – осенью 1029 года). Он был незаконнорожденным сыном шестого герцога Нормандии Роберта I и простой горожанки по имени Херлев, о которой известно совсем немного. Авторы, являвшиеся ее современниками, предусмотрительно обходят молчанием вопрос о происхождении матери Вильгельма. Однако более поздние источники сообщают, что отца ее звали Фульберт и что он, возможно, был кожевником. Известно также, что любовная связь девушки с герцогом оказала благотворное влияние как на ее собственную судьбу, так и на судьбы родственников. Отец получил должность при герцогском дворе. Братья – Осберт и Вальтер – упоминаются в качестве свидетелей, присутствующих при подписании важных доку-

ментов. Сама Херлев вскоре после рождения Вильгельма была отдана в жены виконту Контевиля, которому родила двух сыновей – Одо и Роберта, ставших впоследствии довольно известными людьми. Первый стал знаменитым епископом Байе, а затем графом Кентским, а второй – графом Мортеня, одним из крупнейших английских землевладельцев XI века. Таким образом, потомки этой малоизвестной, но, безусловно, неординарной женщины оказали заметное влияние на ход истории Северо-Западной Европы. Если мать Вильгельма была простолюдинкой, то его отец принадлежал к одной из самых знатных семей Европы. Он являлся прямым потомком Рольфа Викинга, который в 911 году был признан императором Карлом III Простоватым в качестве законного правителя Нейстрии. Его титул и власть последовательно переходили по наследству к сыну – Вильгельму, прозванному Длинный Меч, внуку – герцогу Ричарду I, правнуку – герцогу Ричарду II, деду Вильгельма Завоевателя, умершему через три года после его рождения. Таким образом, немногим более столетия отделяет Рольфа Викинга и его самого знаменитого потомка, столь существенно приумножившего полученное наследство.

Рольф, более известный по франкскому произношению имени как Ролло, скорее всего, имел норвежские корни. Известно, что он был сыном Рёгнвельда, графа Мери, и что до обоснования в Нейстрии он с дружиной викингов совершил множество набегов на прибрежные поселения Франции, Ан-

глии и Ирландии. В 911 году, в ходе одного из них, его отряд продвинулся в глубь Галлии по реке Луаре и осадил Шартре. Этот поход закончился тем, что викингам были дарованы земли в долине Сены. Согласно более поздним источникам, король Карл сделал Ролло столь значительное земельное пожертвование после едва ли не дружеской беседы, состоявшейся в Сен-Клер-сюр-Эпт. Но это утверждение доверия не вызывает. Скорее всего, речь идет о каком-то соглашении, накладывавшем определенные обязательства на каждую из противоборствовавших сторон. Как бы то ни было, установлено, что к 918 году Рольф и его сподвижники имели крупные наделы в этом районе, права на которые были официально подтверждены императором. Видимо, в целях закрепления своего нового статуса вскоре Рольф Викинг решил принять христианство. Его крещение архиепископом Руанским также является достоверным фактом.

Могущество новой династии медленно, но верно возрастало. Хроники Жюмьежа, Сент-Уана, Мон-Сен-Мишеля в полном согласии с Флодоаром Реймским указывают, что первоначально она контролировала район между Эптом, Орном и морским побережьем. Между 911-м и 918 годами Рольф присоединил к ним Руан и, соответственно, зависящую от этого города часть морского побережья, а к 925 году продвинул восточную границу своих владений до О. Расширение в западном направлении шло несколько медленнее: к 924 году – до Орна и Вире, и лишь к 943 году (уже при

Вильгельме Длинном Мече) – до Кюзнона.

Примечательно, что очерченные границы не совпадают с какими-либо природными препятствиями, что довольно нетипично. На формирование территории Нормандии, правителем которой впоследствии стал Вильгельм Завоеватель, история повлияла в гораздо большей степени, чем география. В Бресле и Эпте на востоке, так же как в Селуне и Кюзноне на западе, практически нет больших рек, а южная граница в Аври, обозначенная крепостями Нонанкорт, Тилльери и Вернюиль, по сути, представляет собой лишь стратегическую оборонительную линию. С другой стороны, провинция делится практически на две равные части Сеной, по которой через спорные земли Вексена можно было приплыть в самый центр Франции. В ее нижнем и верхнем течениях всегда существовали переправы, связывающие Нормандию с Бургундией и Руан с Парижем. Даже расстояние от Руана до Орлеана не столь велико, и сколько-нибудь значительных водных преград между ними также не имеется. Нормандия XI века, несмотря на свою обособленность, имела устойчивое сообщение с остальными частями Франции. Через нее проходили два старинных галльских торговых пути, ведущих к побережью Английского канала: первый – из Марселя и Леона через Париж и Манте, второй – из долины Луары через Тур, Се и Байе. Неотъемлемой частью обоих являлась Сена. Вполне естественно, что долина этой реки была местом постоянного обмена как товарами, так и идеями.

Непонятными с географической точки зрения являются не только границы провинции, но и единство ее отдельных частей. Нижняя Нормандия по ландшафту разительно отличается от Верхней. Восточные районы расположены вокруг Сены в ее нижнем течении со всеми связанными с данным фактором последствиями. Каждый из них, конечно, имеет свои особенности, но в целом это сельскохозяйственный регион, покрытый полями пшеницы и фруктовыми садами. К западу картина резко меняется. По мере приближения к Бретонскому массиву культурные растения все чаще сменяются зарослями дикого вереска, и сама местность скорее воскресит в памяти горные перевалы Бретани, чем долину Сены. В Нижней Нормандии очень сильно ощущается влияние холодного моря, и выглядит она менее обжитой. Западное побережье Котантена, скалистое и малодоступное, сливается с северной частью Бретонского побережья и могло бы служить естественной границей единой провинции. А пересечение двух береговых линий могло бы стать отличным местом для ее столицы. Попытки воплотить этот предложенный природой проект предпринимались, но не увенчались успехом. Кюзнон и по сей день остается западной границей Нормандии. Различия между двумя частями провинции, которую унаследовал Вильгельм Завоеватель, однажды чуть не привели к краху. Но он получил то, что получил. Исторические факторы при формировании Нормандии оказались сильнее географических, и действовать они начали задолго

до XI века.

Римские наместники первыми поняли, что большая береговая дуга между О и Барфлье может объединить расположенные вдоль нее земли. Римляне образовали здесь административную провинцию, которая, согласно официальному реестру «*Notitia Provinciarum et Civitatum*», к 400 году включала территории, расположенные вокруг семи городов: Руана, Байе, Авранша, Эврё, Се, Лизье и Котанса. Новый статус территории, как и повсюду в Галлии тех времен, был закреплен созданием в ней церковных епархий. В конце IV века Руан стал резиденцией архиепископа. Есть все основания полагать, что еще раньше, в начале IV века, было основано епископство Байе. Известно, что епископы Авранша, Эврё и Котанса принимали участие в Лионском соборе 511 года, с 533 года в различных текстах начинает упоминаться епископ Се, а с 538-го – Лизье. До конца VI века епископства создавались во всех округах римских империй. Очевидно, эта традиция была перенесена сначала на управляемую Меровингами Нейстрию, а затем далее и, таким образом, оказала влияние на всю последующую историю Нормандии. Еще в IX веке, когда начались опустошительные набеги викингов, провинция воспринималась сугубо в рамках, определенных римлянами. Такое восприятие сохранилось и в XI веке, но уже из-за границ архиепископства Руан и входящих в него шести епископств.

К 933 году новые правители этих земель распространили

свое господство на всю территорию бывшей римской провинции, но выйти за ее пределы не смогли. Это ограничение не менее примечательно, чем сама стремительная экспансия. Получается, что за сто лет до появления на свет Вильгельма Завоевателя его скандинавские предки могли успешно действовать только на строго ограниченной территории. И отнюдь не из-за естественных географических препятствий. Возникает вопрос, не связано ли это с изменениями, произошедшими здесь в IX–X веках в результате притока в Нейстрию переселенцев из Скандинавии.

Тот факт, что Нормандия в 1066 году отличалась от остальной Галлии, никто не оспаривает. Традиционно причину этого видели во вторжении сюда скандинавов. Попробуем проверить данную гипотезу. Сколько сподвижников Рольфа прибыло вместе с ним в Нейстрию, неизвестно. Но хорошо известно, что их соотечественники регулярно появлялись в этих местах на протяжении предшествующих столет. Современники рассказывают об исключительной жестокости набегов викингов на долину Сены. А более поздние нормандские хроники единодушно повествуют о страшных опустошениях и уменьшении численности населения, ставшем их следствием. Конечно, подобные источники склонны к преувеличениям, но полностью игнорировать изложенные в них факты нельзя. Более того, описанные в них набеги не прекратились и после появления Рольфа. Известно, что самая существенная миграция в этом регионе приходится на

середину X века, а на его конец приходится целый ряд крестьянских мятежей. И есть все основания полагать, что волнения эти были вызваны недовольством крестьян-воинов, привыкших к личной свободе, теми ограничениями, с которыми они столкнулись, оказавшись в Нормандии.

К аналогичным выводам приводит изучение церковных источников. Более поздние авторы пишут о серьезном ущербе, который причинили язычники христианству в Нейстрии. В начале X века деятельность Руанской епархии была практически парализована, и сама она существовала лишь формально. Неопровержимое доказательство тому – пробел в официальном списке католических епископов Нормандии, приходящийся на этот период. Можно предположить также, что епископы Котанса в X веке утрачивают связь с районом, оказавшимся во власти язычников, и именно стремлением к ее восстановлению объясняется последовательное пребывание пятерых из них в Руане. Ситуация в Авранше была столь же плачевна, а епископ Се в конце X века, чтобы восстановить кафедральный собор, был вынужден разобрать каменную кладку городских стен. Монашество пострадало в еще большей степени – в конце X века на территории Нормандии не было ни одного монастыря.

Все это наводит на мысль о том, что, несмотря на крещение Рольфа, представители династии Викингов лишь формально отреклись от своего языческого прошлого. Не исключено, что сам Рольф незадолго до смерти вновь обратился к

религии предков, а возрождение язычества после убийства его сына Вильгельма Длинного Меча в 942 году является непреложным фактом. На несколько лет провинция превратилась в арену столкновений противоборствующих группировок викингов, и даже в первые годы правления внука Рольфа Ричарда I борьбу за восстановление в ней порядка вел не герцог, а французский король Луи д'Отр-Мер. Летописи сообщают, что он в 942 году разгромил язычника Сихтрика, а в 945-м году потерпел поражение от руки викинга Гаральда. Даже шестнадцать лет спустя противостояние продолжалось, о чем свидетельствуют сообщения «об ужасной войне», по описаниям схожей с кровавыми столкновениями IX века, которая разразилась в провинции между 945-м и 965 годами. Кризис был разрешен путем заключения нового договора. В 965 году герцог Ричард I и Лотарь подписывают Гисорский пакт, и практически сразу же после этого «с одобрения короля» начинается восстановление монастыря Мон-Сен-Мишель. Судя по всему, этот пакт сыграл в истории Нормандии не менее значительную роль, чем договор 911 года между Рольфом и Карлом Простоватым.

С момента его заключения позиция правителей из династии Викингов начинает меняться. Они постепенно налаживают связи со светскими и церковными властями Галлии, а население провинции перестает сопротивляться влиянию католичества и латинской культуры. Но и в этот период Нормандия все еще остается своеобразной периферией сканди-

навского мира, с которым ее связывают не только коммерческие интересы, но и участие в походах викингов. Так, в конце X века английский король Этельред II выказывал свое неудовольствие по поводу набега на его земли викингов, а также того гостеприимного приема, который был оказан нападавшим в портах Нормандии. В Реймских хрониках 966 года герцог Нормандии описывается не иначе как вождь викингов. Еще больше впечатляет сообщение о том, что всего за пятнадцать лет до рождения Вильгельма его прадедушка Ричард II радушно принимал в Руане, столице архиепископства, гостей-язычников из Скандинавии, которые незадолго до того под предводительством Олафа и Лакмана совершили опустошительный набег на Северо-Западную Галлию.

Однако не следует переоценивать роль скандинавов в становлении Нормандии. До сих пор открытым остается вопрос о наличии в Скандинавии населения в количестве, достаточном для обеспечения столь масштабной миграции. Кроме того, более детального изучения требует ситуация, сложившаяся в самой Нейстрии. Топонимическое исследование названий географических объектов Нормандии, встречающихся в текстах X–XI веков, выявило на удивление большое количество слов, имеющих гибридное латинско-скандинавское происхождение. Как минимум, это свидетельствует о широкой распространенности поселений крестьян-воинов, пришедших из Скандинавии. Особенно примечательно, что чаще всего такие языковые гибриды встречаются в на-

званиях крупных земельных владений. Это же исследование позволяет сделать вывод о том, что расселение скандинавов не было равномерным, — в частности, на западе их присутствие было гораздо заметнее, чем на востоке. Уже во второй четверти X века скандинавская речь считается в Руане чем-то устаревшим, но сохраняет значение в Байе. Последующая культурная ассимиляция произошла очень быстро и была практически полной. Это позволяет говорить, что в политическом и административном плане герцогство Нормандия стало полноправным преемником Нейстрии Каролингов.

Можно найти и другие доказательства этой преемственности. С этой целью обратимся к позиции церкви. Основной ее задачей, без сомнения, являлось сохранение в Нейстрии христианских традиций. Поэтому главным пунктом соглашений 911–912 годов становится крещение Рольфа. Это налагало на него определенные обязательства в отношении принятой религии, которые он пусть далеко не полностью, но все-таки выполнял. Его деятельность по восстановлению «прежней церковной жизни Нейстрии», скорее всего, преувеличена симпатизировавшими династии авторами. Но неоднократные пожертвования храмам, в частности руанскому Сент-Уану, безусловно, имели место. Репутация покровителя церкви, которая закрепилась за его сыном Вильгельмом Длинном Мече, пусть и слегка приукрашенная впоследствии, базируется на вполне реальных фактах. Свидетельства о его богоугодных делах даже стали основой для

легенд, согласно которым Вильгельм намеревался восстановить нейстрийские монастыри и едва ли не лично участвовал в строительстве одного из них в Жюмьеже.

В 965 году этот процесс получает мощный импульс. Пакт Рольфа и Лотаря ознаменовал начало периода приобщения священства Нормандии к движению монастырских реформ. Причем происходит это по инициативе герцога. В конце X века Мэйнар проповедует здесь идеи святого Жерара из Гента. В начале XI века Вильгельм Вольпианский, прибывший из Дижона по приглашению герцога, начинает активную проповедь учения клунийцев¹. Ко времени прихода Вильгельма Завоевателя к власти при непосредственной поддержке династии Викингов было восстановлено четыре крупнейших монастыря Нейстрии и создано несколько новых. В 990 году Ричард I издает указ, направленный на восстановление всех прав Руанской епархии. Процесс религиозного возрождения продолжился и при Вильгельме. Об этом, а также о влиянии данного процесса на характер Нормандского завоевания Англии будет подробно рассказано в последующих главах. Пока же отметим, что унаследованная Вильгельмом герцогская власть имела серьезную поддержку церкви и опиралась на возрожденные ею старинные традиции.

Преемственность Нейстрии Каролингов и Нормандии отчетливо прослеживается не только в политической структу-

¹ Клунийцы – монашеский орден, одним из первых включившийся в движение монастырских реформ. (*Примеч. пер.*)

ре герцогства, но и в том, как она развивалась до и во время правления Вильгельма. Практически не вызывает сомнений, что Рольф Викинг получил от Карла Простоватого земельные владения на правах графа, и именно этот титул носили первые представители династии. В отношении Рольфа и Вильгельма Длинного Меча формальных подтверждений этого факта не существует из-за отсутствия собственноручно подписанных ими документов. Как к графу Руана обращается к Ричарду I латинская элегия, написанная на смерть его отца. Примерно с этого времени титул «граф» начинает встречаться и в официальных документах. Известны указ Ричарда I, датированный 990 годом, который он подписал как «граф и консул», и не менее девяти государственных документов времен Ричарда II, в которых он также именуется графом. Эта традиция сохранялась довольно долго. Как о графе писали даже об отце Вильгельма Завоевателя Роберте I, а в ряде случаев и о нем самом. Обращение «герцог» начинает доминировать в источниках, касающихся представителей династии, лишь с середины XI века.

Конечно, в значительной степени это было простой формальностью и данью традиции. Но не следует забывать, что графский титул не только узаконивал новое социальное положение династии Викингов, но и давал ей определенные привилегии. При Каролингах графы на управляемой ими территории осуществляли судопроизводство и собирали налоги, в том числе с находящихся на ней королевских поме-

ствий. Эти права, естественно, получили и Викинги, и нет никаких сомнений, что они ими пользовались тогда и таким образом, как это было выгодно. С крушением центральной власти графы стали почти независимыми правителями и фактическими собственниками имперских земель. Это происходило по всей Северной Галлии. Но в Нейстрии сложилась особо благоприятная для правящей семьи ситуация. Продолжавшиеся десятилетиями столкновения с Викингами и стремительное расширение владений самого Рольфа в 919–933 годах привели к тому, что на огромном пространстве, заключенном между Бресле, Кюзноном, Эврё и морским побережьем, не осталось ни одного феодала, который мог бы оспаривать властные полномочия графов Руана. Значение этого фактора для становления герцогской власти в том виде, в каком она досталась Вильгельму Завоевателю, трудно переоценить. Когда он стал герцогом, графские семьи в Нормандии уже были. Но все они получили титул незадолго до того и были напрямую связаны с Викингами.

Первым человеком, возведенным в графское достоинство в самой Нормандии, был Родульф Иврский – единокровный брат герцога Ричарда I. Произошло это между 1006-м и 1011 годами. Вскоре после этого графами, скорее всего по факту рождения, стали несколько детей Ричарда. Известно, что архиепископ Роберт Руанский также имел титул графа Эврё, который в 1037 году унаследовал его старший сын Ричард. В 1015 году графами стали двое незаконнорожденных сыно-

вей герцога Ричарда I – Годфри и Вильгельм. В свою очередь, их сыновья – Жильбер и Роберт – известны как графы Бриона и О. То же происходило в Нижней Нормандии. На 1027 год приходится сообщение об основании на крайнем западе провинции графа Роберта, судя по всему еще одного незаконнорожденного отпрыска любвеобильного Ричарда I. Видимо, официально он считался графом Мортеня, поскольку именно этот титул носил его предполагаемый сын Вильгельм, умерший в 1050 году. Кроме вышеперечисленных, известно о появлении до 1050 года только двух новых нормандских графов – Роберта Хьюмуа (возможно, этот титул носил отец Вильгельма Завоевателя до того, как стал герцогом) и Вильгельма Аркезского, сына Ричарда II.

Очевидно, что описанная система создания лояльной аристократической прослойки имела своей целью укрепление власти герцогов, как законно перешедшей к ним от Каролингов. Одновременно она была направлена и на укрепление обороноспособности Нормандии. Чтобы убедиться в этом, достаточно присмотреться к самым ранним пожалованиям. Первые графы при Викингах появились в Иври, О и Мортене, то есть в приграничных районах их владений. Кстати, именно эти районы впоследствии стали главной опорой Вильгельма Завоевателя во время его вторжения в Англию. Появление в первой половине XI века вассальных по отношению к ним графов способствовало осознанию правителей Нормандии себя как суверенов. Причем это полностью укла-

дывалось в русло официально декларируемой политики преемственности и продолжения традиций. В результате влияние династии Викингов еще больше возросло.

К схожим выводам приводит и рассмотрение вопроса о виконтах, наличие которых было еще одной характерной чертой социальной жизни Нормандии XI века. Так как правитель рассматриваемой территории длительное время носил графский титул, вполне естественно, что виконты появились здесь раньше вассальных ему графов. Виконт Аркеза, например, упоминается задолго до образования там графства. То же можно сказать о виконтах Котантена, Авранша и Бессена. Судя по всему, такая ситуация была распространена повсеместно. Известно, что между 1015-м и 1035 годами было не менее двадцати виконтов, а вскоре их количество увеличилось. Виконты являлись представителями власти на местах, а также на ранних этапах исполняли обязанности чиновников суда (позже их сменили официальные представители владетельных семей провинции). Положение виконтов Нормандии, таким образом, было не совсем обычным: они являлись вассалами не местных графов (что предусматривал их титул), а непосредственно графа Руана, то есть герцога.

Специфическая черта самих графств и виконтств заключается в том, что они никогда не создавались путем передела земель, но всегда в рамках исторически сложившихся регионов и фактически воспроизводили административное деление Нейстрии Каролингов. Например, отец Вильгельма

Завоевателя, будучи графом Хьемуа, получил в управление именно тот район, описание границ которого можно встретить во множестве текстов времен Меровингов и Каролингов. А графство Эврё было идентично старому Эврёксину, бывшему самостоятельной административной единицей уже в VIII веке. Схожую картину представляют и границы виконтств. В частности, Котантен упоминается в описании подвигов святого Маркуля, жившего в VI веке. Примерно тогда же, а может, и ранее определились границы Авранша и Бессена. Церковные власти Нормандии придерживались того же принципа, что и светские. Границы епархий, несмотря на последующие деления и укрупнения, в целом остались такими же, какими были до Викингов.

Напомним, что при Каролингах основной административной единицей Нейстрии оставался римский пагус. Еще до появления здесь Рольфа пагусы в Галлии, как и в других частях бывшей Западной Римской империи, начали распадаться, однако происходило это постепенно и продолжалось, как минимум, до конца X века. Особый статус, который получили Рольф и его соратники при обосновании в Нейстрии, позволял остановить или, по крайней мере, затормозить этот процесс, повсюду набравший обороты. Судя по всему, Викинги этой возможностью воспользовались. Они сохранили пагусы, но передали их под управление своих представителей. Известно, например, что в начале второй четверти XI века герцог Ричард III (дядя Вильгельма Завоевателя) сделал

свою жену Адель правительницей пагуса, расположенного на севере Котантена. И именно эта территория стала к 1040 году графством Аркез. Возможно, речь идет о способе маскировки новых феодалов и величины земель, пожалованных Викингами своим соратникам за службу. В любом случае очевидно стремление к сохранению идентичности границ новых земельных наделов и административных единиц Нормандии XI века со старыми. Возможно, это давало представителям правящей династии какие-то преимущества в борьбе за власть. События раннего периода герцогства Вильгельма Завоевателя, которые будут описаны ниже, данный вывод полностью подтверждают.

Политика сохранения границ административных и церковных округов Нормандии наводит на мысль о наличии неких обязательств, которые имели герцоги перед королевским домом к моменту появления на свет будущего Завоевателя. Основа отношений герцогства с остальной Францией, естественно, были заложены при Рольфе. Смысл пунктов грамоты, выданной ему Карлом III при пожаловании земель, до сих пор является предметом споров, но абсолютно понятно, что документ накладывал на получателя обычные для того времени вассальные обязательства. Конечно, Рольф и его наследники следовали им далеко не всегда, но полностью игнорировать не могли. Вполне возможно, что именно с признанием данных обязательств связаны прибытие в Руан в 942 году Луи д'Отре-Мера и последующее убийство пригласив-

шего его Вильгельма Длинного Меча. То же можно сказать и о похищении по приказу французского короля юного герцога Ричарда I. Хотя история содержит много явно вымышленных моментов, ее смысл очевиден – сюзерен приказывает привести на свой суд наследника скончавшегося вассала.

Для понимания ситуации еще важнее то, что права сюзерена, ранее то отвергаемые, то признаваемые, были безоговорочно перенесены на Капетингов. По мере усиления влияния этой семьи знаки внимания, оказываемые ей Викингам, становились все более очевидными. В 968 году Ричарда I формально уже признает Гуго Великого своим господином. А после коронации Гуго Капета в 968 году французские короли обращаются к герцогам Нормандии исключительно как к вассалам. Известно, что дед Вильгельма Завоевателя герцог Ричард II тщательно выполнял все связанные с вассалитетом обязанности. Положительные результаты такой политики сказались очень скоро. Дружеские отношения помогли обеим династиям выжить и сохранить влияние. Через три года после рождения Вильгельма, в 1031 году, молодой король Франции Генрих I, власть которого покачнулась в результате интриг его матери Констанции, нашел убежище в Руане. Вернуться на трон ему помог герцог Нормандии, к которому он обратился за помощью. В 1047 году Генрих I, в свою очередь, выступает на стороне нормандского вассала, помогая молодому герцогу Вильгельму подавить вспыхнувшие в его владениях волнения.

Нормандская династия участвовала и в жизни других частей Галлии. У нее установились хорошие связи с герцогами Бретани. В первой трети XI века дружба закрепляется двумя важными брачными союзами. Хависа, дочь герцога Нормандии Ричарда I, стала женой Жофрея Ренского, впоследствии получившего титул графа Бретани. А чуть позже Ричард II Нормандский женился на сестре Жофрея Юдит. То, что эти свадьбы состоялись почти одновременно, а также ряд других обстоятельств позволяет предположить, что речь идет о реализации некоего плана, разработанного представителями обеих династий в целях защиты общих интересов. Дальнейшие события это предположение полностью подтверждают. В 1008 году Жофрей отправился в паломничество и умер. Его сыновья Алан и Удо были еще слишком малы, чтобы претендовать на престол. Но опекунов над ними получила мать-нормандка, что предоставило ее брату Ричарду II возможность вмешиваться в дела Бретани. А после смерти Ричарда II (в первые годы правления Вильгельма) схожую роль, но уже в Нормандии сыграл старший сын Жофрея Алан III Бретонский.

Очевидно, что герцогство Нормандия в том виде, в котором его унаследовал Вильгельм Завоеватель, состояло из множества разнородных элементов, что являлось результатом взаимодействия двух противоположных тенденций. Хотя и не ключевую, но весьма заметную роль в его формировании сыграл скандинавский фактор. По крайней мере, имен-

но ему провинция обязана своими существенными отличиями от других частей Галлии. Да и само появление династии, к которой принадлежал Вильгельм, — результат скандинавской экспансии. С другой стороны, Викинги с самого начала старались не искоренять сложившиеся до их прихода традиции, а опираться на них в государственном строительстве. Земли будущего герцогства были пожалованы им королем. Его административная система осталась практически такой же, как при Каролингах. Герцоги Нормандии ассоциировали себя с французским королевским домом Капетингов и связывали свое будущее с укреплением христианской епархии Руан. Более того, именно после Гисорского пакта, который, в принципе, является свидетельством победы Викингов, скандинавское влияние на этот регион Галлии начинает постепенно ослабевать. В период между 965-м и 1028 годами Нормандия ускоренно приобщается к латинско-христианской цивилизации, частью которой была остальная Франция. Те нормандцы, которые под руководством Вильгельма сумели в третьей четверти XI века изменить ход истории Англии, по языку, культуре и политическим взглядам были настоящими французами.

Таким было герцогство, власть над которым унаследовал будущий Завоеватель. Но как получилось, что эта власть досталась незаконнорожденному юноше из города Фалэз? Как ему удалось удержать ее? Наконец, каким образом он сумел усилить Нормандию настолько, что она оказала влияние на

развитие всего западнокхристианского мира?

Глава 2

Юность и вступление на престол

О детстве Вильгельма практически ничего не известно. Вероятнее всего, он провел его в Фалэзе почти в полной неизвестности. Более поздние легенды утверждают, что его высокое положение признавалось уже тогда, и было немало признаков, свидетельствовавших о его будущем величии. Но документальных подтверждений подобных рассказов нет. Потомкам нравятся романтические истории, связанные с рождением Вильгельма, но они имеют мало общего с реальностью. На самом деле Вильгельм, которого впоследствии с полным на то основанием величали «Завоевателем» и «Великим», для своих современников был поначалу не более чем Вильгельм Бастард. Нет никаких оснований полагать, что в детстве кто-то всерьез рассматривал его как наследника герцога Нормандии. Это следует хотя бы уже из того, что Роберт I не женился на Херлев, а следовательно, не узаконил права ее сына.

Однако как раз в это время в Нормандии произошли события настолько неожиданные и важные, что у Вильгельма появилась возможность претендовать на наследство отца и уже в юности стать герцогом. Его дед Ричард II, скончавшийся 23 августа 1026 года, правил Нормандией почти двадцать лет. У него и его законной жены Юдит Бретонской было ше-

стеро детей: три дочери и три сына. Старший сын в полном соответствии с законом стал герцогом Ричардом III. В момент смерти отца ему было около восемнадцати лет. Своему брату Роберту, будущему отцу Вильгельма Завоевателя, Ричард пожаловал графство Хьемуа. Однако Роберта это не устраивало. Оспаривая решение брата, он демонстративно обосновался в Фалэзе. Их отношения становились все более напряженными, временами перерастая в открытые вооруженные столкновения. И вдруг в начале августа 1027 года Ричард III неожиданно умер. Естественно, потомки обвинили Роберта в братоубийстве. Доказать это, конечно, невозможно, но в том, что он причастен к смерти брата, практически никто не сомневается. У Ричарда III остался законный наследник – малолетний сын Николас. Однако ребенка сразу же после смерти отца отправили в монастырь, а шестым герцогом Нормандии стал Роберт.

Учитывая эти обстоятельства, нет ничего удивительного в том, что начало девятилетнего правления Роберта сопровождалось серьезными волнениями. Его сопротивление с братом разделило герцогство и спровоцировало беспорядки. Положение усугублялось тем, что новые феодалы решили воспользоваться неразберихой в своих интересах, расширив свои владения за счет соседей. Проигравшие в этой борьбе покидали Нормандию и отправлялись на поиски лучшей доли в чужие края. Особенно заметен в это время приток нормандских рыцарей на юг Италии. Есть сведения и о том, что

некоторые представители светской аристократии обогащались за счет присвоения церковных богатств, и происходило это при попустительстве центральной власти. Монастырские документы и хроники той поры переполнены жалобами, в том числе и на действия Роберта I. Это привело к кризису в отношениях церковной и светской администраций. В 1028 году молодой герцог осадил пытавшегося вразумить его архиепископа Руанского в Эврё и вынудил последнего отправиться в изгнание. В ответ архиепископ наложил на Нормандию интердикт – запрет на ведение богослужений в храмах. В довершение всех бед Роберт I оказался в состоянии войны со своим кузеном Аланом III Бретонским, который также предъявлял претензии на герцогский трон (видимо, как сын нормандской принцессы). В результате сложилась крайне опасная ситуация, которая, по образному выражению Гуго Флавины, могла погрузить Нормандию в «непроглядную тьму анархии». Но этого, к счастью, не произошло. Уже к 1031 году «тьма» начала рассеиваться. Главная заслуга в этом принадлежала архиепископу Руанскому, человеку примечательному во многих отношениях. Брат герцога Ричарда II, он возглавил метрополию в 989 году и с тех пор играл весьма заметную роль в управлении Нормандией. Его подписью скреплены не менее четырнадцати герцогских хартий. С его именем связывают основание будущего монастыря Сент-Олаф. Он же известен как прославившийся щедростью покровитель аббатства Сен-Пэр в Шартре. Очевидно, что его

интересы не ограничивались церковными проблемами. Он был женат на женщине по имени Херлев и имел трех сыновей: Ричарда, Ральфа и Вильгельма. Роберт Руанский был единственным во всей Нормандии человеком, который мог воздействовать и на представителей герцогской семьи, и на светских феодалов, и на священнослужителей. Если кто-то имел шансы умиротворить Нормандию, то только он. Видимо, в конце концов, это понял и молодой герцог. И к чести архиепископа, дядя, забыв прошлые обиды, помог племяннику.

В 1030 году Роберт Руанский вернулся из изгнания, отменил интердикт, и положение в Нормандии начало медленно, но верно стабилизироваться. В связи с этим большой интерес вызывает договор, подтверждающий право кафедрального собора Руана на владение движимым и недвижимым имуществом. Документ подписан архиепископом и герцогом и формально является актом, свидетельствующим об их примирении. Вскоре благодаря Роберту Руанскому прекратилась и Бретонская война. Архиепископ организовал в Мон-Сен-Мишеле встречу своих враждующих племянников и убедил их заключить перемирие. Все условия достигнутого тогда соглашения не известны, но очевидно, что оно включало признание Аланом III герцога Роберта I в качестве главы нормандского правящего дома. Но важнее было то, что оно восстанавливало те доверительные отношения между двумя династиями, которые сложились при Ричарде II. Выгода бы-

ла обоюдная. Алан III получил возможность заняться подавлением собственных противников, которые начали поднимать головы в Бретани. Роберт I освободился от забот по защите западной границы своего герцогства и мог рассчитывать на поддержку Алана в решении внутренних проблем Нормандии. Вполне естественно, что Роберт Руанский оставался ключевой фигурой в правительстве до своей смерти в 1037 году. За это время он успел еще немало сделать и для укрепления герцогской власти, и, что нам интереснее, для создания условий, обеспечивших приход к власти Вильгельма Завоевателя.

Одним из следствий вышеописанных событий было появление в Нормандии очень влиятельной политической группировки, состоявшей из земельных магнатов, которые поддерживали Роберта I в период междоусобицы. Ее негласным лидером являлся граф Бриона Жильбер, внук герцога Ричарда I и представитель семьи, считавшейся одной из самых знатных не только в Нормандии, но и в Англии. Это был человек, амбиции которого были столь же велики, как его земельные владения, занимавшие чуть ли не всю центральную часть герцогства. Кроме того, он дружил с молодым герцогом и даже неоднократно подтверждал его подпись на важных государственных документах. Но он был не единственной примечательной личностью, входившей в ближайшее окружение Роберта I. Не менее любопытна фигура брата жены Ричарда I – Осберна, представителя одной из самых

богатых семей Нормандии, который за период гражданской войны сумел еще больше расширить свои владения. Немаловажным представляется и тот факт, что он являлся стюардом Роберта I, то есть управляющим его хозяйства.

Герцогская власть продолжала укрепляться, хотя рецидивы недавних раздоров и анархии давали о себе знать еще довольно долго. Так, уже после примирения со своим дядей Роберт I был вынужден применить вооруженную силу против епископа Байе Гуго, который отказался выполнять его приказы и заперся в своем замке в Иври. Но это было скорее исключением, чем правилом. Авторитет Роберта I на заключительном этапе его правления был высок как в самом герцогстве, так и за его пределами. Правители соседних земель предпочитали иметь его в качестве союзника или, по крайней мере, обеспечить отношения нейтралитета. Мы еще затронем вопрос об отношениях с Кнутом Великим, но стоит напомнить, что и король Англии Этельред II с женой и двумя сыновьями искал убежища в Нормандии. Известно также, что какое-то время при нормандском дворе находился Болдуин IV Фламандский. В 1031 году Роберт I сумел обеспечить сбор всех причитающихся королю Франции податей и мог теперь с полным правом рассчитывать на его поддержку. Внутри герцогства он имел твердую опору в лице набирающей силу новой аристократии и пользовался поддержкой самого влиятельного человека в Нормандии архиепископа Руанского.

Такова была обстановка к 1034 году, когда герцог неожиданно объявил о намерении отправиться в паломничество. Это решение многих смутило, так как для его принятия не было никаких веских оснований. Но Роберт был непреклонен. Его не остановило даже то, что против его поездки решительно высказывались практически все крупнейшие землевладельцы, составлявшие его ближайшее окружение. С точки зрения логики современного человека понять и объяснить этот поступок трудно. Можно лишь напомнить, что речь идет о каком-то странном для нас, но не редком для того времени явлении. В 1002 году в Святую землю отправляется замаливать грехи Фалк Нерра, граф Анжу, снискавший у современников прозвище Грозный. Шесть лет спустя то же самое сделал Жофрей Бретонский. Чуть позже брат английского короля Гарольда II Свейн Годвинсон, которого даже собственные соратники осуждали за буйный нрав и жестокость, направился в Иерусалим и погиб от холода в Анатолийских горах. И это лишь наиболее известные и трагические примеры. Люди XI века жили в атмосфере постоянной борьбы и религиозных убеждений. Первое заставляло их совершать страшные поступки, второе – накладывать на себя почти столь же строгие епитимьи. Нет ничего удивительного, что желание стать пилигримом охватывало очень многих. В Нормандии паломнические традиции ко времени герцогства Роберта I, судя по всему, были уже довольно сильны. Источники сообщают, например, о большом количестве норманд-

ских пилигримов, направлявшихся в южноитальянский город Монте-Гаргано, чтобы поклониться мощам святого Михаила. Известно, что участие в снаряжении одной из таких паломнических экспедиций, возглавляемой аббатом прихода Сен-Ванн Ричардом, принимал участие сам герцог. Не исключено, что уже тогда его мучило чувство вины, которую, по современным ему представлениям, можно было загладить только с помощью тяжелого паломничества. Более поздние авторы однозначно указывают, что он отправился в Иерусалим, чтобы замолить грех братоубийства. Но даже если это не совсем так, нет ничего удивительного в том, что молодой, но уже много повидавший в жизни человек увлекся романтикой странствования к Святой земле.

Приняв твердое решение, он собрал для совета самых могущественных нормандских аристократов во главе с архиепископом Руанским. Участники съезда пытались переубедить его. Они доказывали, что неразумно оставлять без правителя герцогство сразу после многолетней гражданской войны, которую с таким трудом удалось прекратить. С полным на то основанием говорилось, что в Нормандии на текущий момент нет человека, которому можно было бы безоговорочно доверить защиту интересов самого Роберта и, что еще опаснее, нет преемника, который мог бы бесспорно претендовать на престол, в случае если он не вернется. С последним аргументом герцог вроде бы согласился. Но ответом на него стало появление в зале его незаконнорожденного сына

Вильгельма и просьба признать мальчика законным наследником. Присутствующим ничего не оставалось делать, как выполнить ее. Они дали обычную в подобных случаях клятву верности и уважения будущему сюзерену. Довольный Роберт вскоре покинул Нормандию и больше ее уже никогда не увидел.

История его паломничества очень быстро дополнилась легендами. Рассказывают, что Роберт выехал из Руана в сопровождении блестящей свиты и его доброта и богатство потрясли даже самого «императора Востока». К этому присовокупляются похвалы в адрес набожности герцога-пилигрима и описания щедрых даров, которые он доставил к Гробу Господню. Впрочем, относиться к этому как сплошному вымыслу было бы тоже несправедливо. Известно, что и другие нормандские герцоги выделяли крупные пожертвования для Святой земли. Видимо, мы имеем дело с собирательным образом, базирующимся на частично достоверных, а частично вымышленных фактах. Решение Роберта I отправиться в паломничество не могло не возбудить фантазию современников, а его трагический финал тем более. Возвращаясь из странствия, герцог скончался от смертельной болезни, которая настигла его в Малой Азии. Существует версия, что он был отравлен. Но она появилась не ранее 1053 года и, скорее всего, является вымыслом. Доподлинно можно утверждать только то, что шестой герцог Нормандии Роберт, названный потомками Великолепным, умер в первых числах июля 1035

года в Никее Битинийской.

Власть в Нормандии формально перешла к Вильгельму, но шансов удержать ее тогда было совсем немного. Мало того что ему было всего семь лет, так он еще был и незаконно-рожденным, поэтому споры о правомерности его возведения на престол были практически неизбежны. Тем, что в 1035 году герцогом стал именно он, будущий Завоеватель, прежде всего был обязан небольшой группе феодалов, входивших в ближайшее окружение Роберта I. По сути дела, его ангелами-хранителями стали те же люди, которые в свое время помогли удержаться на троне его отцу: архиепископ Руанский, граф Бретани Алан и Осберн, продолжавший занимать влиятельную должность герцогского стюарда. Помимо них необходимо упомянуть некоего Турчетила (в другом варианте – Турольда), которого источники называют «педагогом» и даже «кормильцем» малолетнего герцога. О том, какие обязанности подразумевала эта странная должность, практически ничего не сообщается. Сам Турчетил известен как человек, оказывавший ценные услуги Вильгельму Завоевателю в более поздние годы его правления, и как родоначальник аристократической семьи, сыгравшей заметную роль в истории Нормандии и Уэльса. К рассматриваемому периоду он был владельцем земель в Нёфмарше. Похоже, что по общественному положению он было гораздо ниже других «наставников» юного Вильгельма, но внутри их узкого круга он по каким-то не очень понятным причинам считался довольно зна-

чительной фигурой.

В критической ситуации лета и осени 1035 года все зависело от позиции архиепископа Руанского. Он и сам мог претендовать на герцогскую корону, но не стал. Возможно, в силу преклонного возраста, возможно, из-за церковного сана. В результате он оказался как бы над кризисной ситуацией, что расширило его возможности контроля над ней. Впрочем, они и до этого были достаточно велики. Архиепископ Руанский еще со времен Рольфа традиционно играл особую роль при дворе герцога, а Роберт являлся не только архиепископом, но и владетельным сеньором земель графства Эврё. Кроме того, он был первым советником предыдущего герцога. Именно он сумел обеспечить мир между Нормандией и Бретанью, благодаря чему теперь мог обеспечить поддержку Вильгельма со стороны Алана III. И наконец, только у архиепископа Руанского были устойчивые связи с королевским домом Франции, что в 1035 году имело немаловажное значение. Вскоре после того, как Роберт I покинул Нормандию (а может быть, даже ранее), признание Вильгельма наследником было одобрено королем Генрихом. По некоторым данным, будущий герцог предстал перед ним лично в качестве будущего вассала – сеньора Нормандии. Нет сомнений, что организовать все это мог только архиепископ.

Но даже при поддержке Роберта Руанского и признании короля Генриха положение малолетнего Вильгельма оставалось весьма шатким. Вряд ли он смог долго продержаться,

если бы против его кандидатуры выступили другие представители династии. Это поистине удача, что ни один из родственников, которому он перешел дорогу, по тем или иным причинам не хотел или не мог оказать реального противодействия. Сын Ричарда III Николас, самый законный с точки зрения феодального права претендент на герцогский титул, еще в детстве был по распоряжению Роберта I отправлен в монастырь Сент-Уан. И похоже, в силу убеждений не проявлял никакого желания оспаривать права Вильгельма. Он и в дальнейшем сохранил лояльность по отношению к своему кузену. В 1042 году Николас стал настоятелем монастыря Сент-Уан и занимал этот пост в течение пятидесяти лет. Более реальную угрозу представляли сыновья герцога Ричарда II Може и Вильгельм, а также его внук Ги Бургундский. Считается, что у любого из них были все шансы сплотить вокруг себя недовольных и возглавить дворцовый переворот. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в то время у них для этого не было сил. Ни Може, ни Вильгельм в 1035 году еще не обладали властью, которая появится у них вскоре, а Ги еще не принадлежали земли в центре Нормандии, благодаря которым он через некоторое время станет столь сильным и влиятельным. Архиепископ Роберт, опираясь на свой авторитет, занимаемый пост и помощь чиновников герцога, вполне мог контролировать ситуацию.

Существует любопытный документ, дающий представле-

ние о структуре власти в начальный период правления Вильгельма II. Это запись Гуго, архиепископа Байе, сделанная между августом 1035-го и мартом 1037 года. Сообщая о посягательствах на земли его епархии «после кончины герцога Ричарда II, равно как и после смерти герцога Роберта I», он констатирует, что сумел отстоять и закрепить свои законные права. Правда, для этого ему пришлось предстать перед «высоким судом», в состав которого входили «архиепископ Роберт, граф Одо, виконт Нижеля и другие владетельные сеньоры, уполномоченные вершить суд в королевстве». Этот суд и вынес вердикт в пользу епископа. Но нас интересует, естественно, не столько это, сколько сам список лиц, которые могли разрешать в Нормандии споры такого уровня. Примечательно, что первым назван архиепископ, что свидетельствует о его главенствующей роли, а молодой герцог вообще не упомянут. С другой стороны, присутствие виконта и других «уполномоченных вершить суд» говорит о том, что, как таковая, герцогская администрация сохранила свои функции и продолжала действовать. Несмотря на это, относительное спокойствие в герцогстве держалось почти исключительно на власти и авторитете одного человека. Когда в 1037 году архиепископ Роберт скончался, ситуация в Нормандии стремительно дестабилизировалась. Причем процесс этот развивался с такой быстротой, а принимавшие в нем участие лица действовали столь решительно, что создается впечатление, будто они видели свою выгоду имен-

но в разрушении порядка. В какой-то степени это действительно так. По крайней мере, некоторые из них именно в обстановке хаоса смогли проявить свои способности, другим просто было нечего терять. И здесь стоит попытаться охарактеризовать основные силы, включившиеся в эту кровопролитную борьбу. Влиятельные феодальные кланы Нормандии к этому времени только-только входили в силу, и ослабление герцогской власти угрожало безопасности их владений, которые они теперь должны были защищать самостоятельно. С другой стороны, можно было воспользоваться моментом и с помощью оружия поживиться за счет соседей. Представители герцогской семьи, которая, по сути дела, представляла собой самый сильный феодальный клан провинции, находились в схожем положении. Они были готовы оспаривать у Вильгельма высший титул Нормандии, но ослабление власти графа Руанского было не в их интересах. Поэтому, интригуя поодиночке, все вместе они все-таки были заинтересованы в сохранении порядка. Наконец, был еще король Франции, который чувствовал себя ответственным за состояние дел в землях своего малолетнего вассала и имел формальное право в них вмешиваться.

В принципе, основной вопрос заключался в том, кто будет оказывать влияние на юного герцога. Попытки дать на него ответ вылились в страшные события, результатом которых стали хаос, на несколько лет охвативший Нормандию, и гибель почти всех, кто на первом этапе поддерживал Виль-

гельма II. В 1039 году внезапно умирает Алан III. Исполняемая им роль главного наставника и покровителя нормандского герцога переходит к другому близкому другу Роберта I – Жильберу. Но всего через несколько месяцев Жильбер погибает во время скачек от рук убийцы, подосланного сыном архиепископа Роберта Ральфом Гассийским. Примерно в это же время убивают Турчетила. Затем наступает черед стюарда Осберна, который гибнет во время драки, произошедшей прямо в спальне герцога. Герцогский дворец становится весьма опасным местом. Известно, что Вальтер, брат Херлев, который часто ночевал в одной комнате со своим племянником, несколько раз вынужден был спасать его и себя, прячась в жилищах бедняков. Можно только догадываться, как отразились подобные события на характере мальчика.

Однако все эти ужасы лишь видимая сторона кризиса, глубинные процессы которого скрывались в тени. Вне всяких сомнений, речь шла о борьбе представителей герцогской семьи за восстановление своей роли в государственных делах. Косвенное тому подтверждение – усиление позиций сыновей Ричарда II Може и Вильгельма, имевшее место как раз в рассматриваемый период. В 1037-м или в начале 1038 года Може был назначен архиепископом Руана, а его брат стал графом Аркеза. Происходит это не без поддержки других членов клана Викингов и в их интересах. Известно, что Вильгельм получил графство Аркез в качестве свое-

го рода награды за отказ от лояльной позиции по отношению к молодому герцогу и обещание не признавать себя его вассалом. А новая должность Може сама по себе гарантировала участие в управлении Нормандией. Вскоре его подпись стала появляться на многих государственных документах. Он периодически председательствовал в герцогском суде. Причем при перечислении участников этих заседаний юный герцог упоминается зачастую после архиепископа. Примером нового положения братьев может служить документ, составленный ориентировочно в 1039 году. Это акт о передаче земель Жюмьежскому аббатству графом Вильгельмом, к титулу которого добавлено «сын герцога Ричарда». Удостоверяют его законность «архиепископ Може, Вильгельм – граф Нормандии, Вильгельм – управляющий графа Нормандии и Вильгельм – граф Аркеза». Представляется, что именно Може и Вильгельм Аркезский возглавили после 1040 года список самых могущественных лиц герцогства. Следующим в нем, возможно, должен был значиться аббат монастыря Сент-Уан Николас. Но и другие представители правящей семьи постепенно занимали все более высокое положение в герцогстве. Особенно заметно усиление сына архиепископа Роберта и убийцы графа Жильбера Ральфа Гассийского. А внук Ричарда II Ги Бургундский как раз в это время становится владельцем Вернона и ранее принадлежащего Жильберу Брионского замка. Совершенно понятно, что семья не собиралась сдавать свои позиции без боя.

Пока знать плела интриги, провинцию все больше и больше охватывали беспорядки. Из-за малочисленности дошедших до нас свидетельств описать их детально не представляется возможным. Но и того, что известно, достаточно, чтобы охарактеризовать период правления юного Вильгельма после 1037 года как один из самых мрачных в истории Нормандии. Забытые было старые обиды возродились вновь, распри между феодалами вспыхнули с новой силой, и каждое насильственное действие оборачивалось новой, еще более кровавой, стычкой. В охватившие герцогство волнения и беспорядки так или иначе были вовлечены практически все знатные нормандские семьи. Бьярни, сеньор Глоссла-Феррье и вассал стюарда Осберна, отомстил за своего сюзерена, убив Вильгельма Монтгомери. Роже Тоснийский опустошил земли своего соседа Хамфри Вьеильского, а затем был убит его сыном Роже Бомонским. Причем конфликт на этом не прекратился, поскольку в него включились представители клана Клере, находившегося в вассальной зависимости от владетелей Тосни. Гуго из Монфор-сюр-Риля и Уолчелин Феррьерский на протяжении нескольких месяцев вели между собой настоящую войну, в которой оба погибли. Сеньоры Беллема неожиданно напали на сыновей Жери Эшафурского и зверски их замучили. Дополнительное представление о масштабах беспорядков, бушевавших в это время в Нормандии, дает дошедшая до нас информация о фортификационных сооружениях. Некоторые построенные из камня герцогские

замки были захвачены феодалами, на землях которых они находились и, следовательно, отвечавших за их сохранность. Так, Вильгельм Талу Беллемский занял Алансон, епископ Эврё Гуго – Иври, Турстан Гоз – Тилльери. Стремительно возводились новые укрепления: в основном – деревянные сторожевые башни, окруженные частоколом и рвом, иногда заполненным водой. Понятно, феодалы строили их для защиты своих владений и раньше, но в описываемый период число этих мини-крепостей превысило все разумные пределы. Атмосфера враждебности пропитала герцогство, и нападения ждали со всех сторон.

Однако надо иметь в виду, что практически все вышеприведенные сведения взяты из монастырских хроник, которые при описании подобных событий, как правило, сгущают краски, а следовательно, могут искажать реальную картину. На самом деле до полного разрушения административной системы герцогства не доходило даже в самые тяжелые времена. Помогли унаследованные от Нейстрии традиции управления, которые Викинги старались сохранить и развить. Немало примеров того, что законы продолжали действовать, можно найти в самых различных областях. Вышеприведенная запись епископа Байе помимо всего прочего свидетельствует о наличии в период 1035–1037 годов авторитетного судебного органа и действенности его решений. Попытки сохранить правовое регулирование предпринимались и после смерти архиепископа Роберта, с учетом сложив-

шейся ситуации весьма успешные. Так, хотя Турстан Гоз и руководил из Тилльери мятежниками, виконты соседних земель в 1035–1046 годах регулярно выплачивали феодальную ренту, и большинство произведенных в это время земельных пожалований утверждалось указами герцога. Нормандский епископат в целом сохранял лояльность юному герцогу. По крайней мере, все причитающиеся ему доходы с церковных земель собирались практически в полном объеме. Герцог или те, кто действовал от его имени, имели возможность использовать авторитет самого титула, подразумевавшего сакральное право на власть над всем населением провинции. Это предоставляло серьезные преимущества даже в самых неблагоприятных ситуациях. Ральф Гассийский, заняв главенствующее место при герцогском дворе, настоял, чтобы его именовали «главнокомандующим вооруженных сил нормандцев». По свидетельству современников, это дало ему возможность собрать достаточно большую армию и провести ряд успешных военных операций. Традиционное уважение к герцогской власти и государственному аппарату, посредством которого она реализовывалась, стало тем решающим фактором, который спас Нормандию от распада в критический момент ее истории. Насколько велико было его значение, стало ясно в 1047 году, когда взбунтовались виконты западной части герцогства.

Положение Вильгельма в этот период оставалось крайне сложным. Противоборство феодальных кланов приобрета-

ло все более угрожающие масштабы. Хозяйство приходило в упадок. Характерной чертой этого периода стали вооруженные выступления крестьян, которые объединялись в отряды (часто под руководством приходских священников) для коллективной защиты своей собственности. Известно, например, что, когда сыновья Соренга попытались установить свое господство в сельских районах, прилегающих к Ору, они неожиданно для себя столкнулись с сопротивлением простых жителей. Для их устрашения нападавшие даже подожгли местный собор, но вскоре сами были захвачены в плен и казнены. Видимо, возможности герцогского правосудия к этому времени были уже весьма ограничены, и люди стихийно начали искать новые способы поддержания порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.